

И. С. Федорова

И. К. Зеленов и его коллекции в собрании РЭМ

Конец XIX в. — время расцвета этнографической науки, когда организуются краеведческие музеи в разных регионах России, пополняются коллекции уже существующих этнографических собраний. Работа эта ведется не только профессионалами музейного дела, учеными-этнографами, но и энтузиастами, любителями, представителями национальной интеллигенции.

Во многом результатом деятельности таких собирателей, как В. Н. Васильев, Ф. Я. Кон, С. М. Дудин, И. К. Зеленов и многих других явилось то, что Этнографический отдел Русского музея (в настоящее время Российский Этнографический музей) стал обладателем богатейших материалов по этнографии народов, проживающих в различных губерниях Российской империи.

Имя Ивана Константиновича Зеленова известно не слишком широкому кругу этнографов, но практически все видные исследователи народностей Поволжья и Приуралья в своих трудах ссылаются на предметы из его собраний. Ни одна выставка РЭМ, посвященная указанному региону, не может обойтись без привлечения материалов, собранных Зеленовым. Признанием его огромного вклада в комплектование фондов музея явилась выставка, посвященная 100-летию со дня его рождения. Специалисты-этнографы высоко оценивают уникальные коллекции собирателя ввиду их большой численности, тематического разнообразия и полноты. Огромным достоинством сбора является и наличие первоклассных фотоматериалов, отражающих различные стороны традиционного быта народов Поволжья и Приуралья.

Биография Зеленова весьма полно освещена в архивных материалах, опубликованных воспоминаниях близких ему людей.¹

И. К. Зеленов, сын бывшего крепостного крестьянина Владимирской губ. Константина Тарасовича и московской мещанки Парасковии Ивановны Зеленовых, родился 9 ноября 1878 г. Отец его, столяр-краснодеревщик, к тому времени уже имел собственное кустарное столярно-плотницкое предприятие. Иван Константинович родился в д. Конново Березинской вол. Судогодского у. Владимирской губ., на родине отца, куда мать приехала из Москвы, где в то время проживала семья Зеленовых. Имя мальчику дали в память Иоанна Златоуста, не считаясь с церковной традицией нарекать новорожденного именем ближайшего по календарю святого.

Отец умер, когда Ване исполнилось 10 лет и он учился в начальной школе. После ее окончания его отдали в Нижегородское Владимирское городское трехклассное училище, которое он окончил в 1894 г., а затем поступил в учительскую семинарию в с. Порецкое Алатырского у. Симбирской губ. (с. Порецкое — крупный населенный пункт на судоходной р. Суре, притоке Волги).

Семья после смерти отца обеднела, и старший родственник выхлопотал для Вани как для сына работника ремесленного цеха стипендию. Таким образом, Зеленову удалось окончить семинарию, после чего он был назначен учителем в Шарканское мужское земское училище Сарапульского у. Вятской губ. (с 1 сентября 1897 г.), а затем (с 1 сентября 1899 г.) — его заведующим, прослужив в этой должности до 1903 г.

В Сарапульском у., куда приехал для работы Иван Константинович, в конце 90-х гг. XIX в. система народного образования и земских культурных учреждений была организована на очень высоком уровне. П. А. Голубев, исследовавший ситуацию в Вятском земстве того периода, отмечает, что в этом уезде расход денежных средств на народное образование на душу населения был выше среднего по губернии в целом, а сама Вятская губ. занимала по этому показателю первое место среди 34 земских губерний России. За высокий уровень организации народного образования Вятскому земству на Всемирной выставке 1900 г. была присуждена золотая медаль.²

Село Шаркан, где приступил к работе Иван Константинович, являлось административным центром волости. В начале 1890-х гг. население там было смешанным — русские (бывшие государственные крестьяне) и удмурты. Сельское общество имело 3 мельницы, около 30 веялок, молотилку и центробежную сеялку.³ Село возникло в 40-х гг. XIX в. в результате переселения деревни Старый Шаркан, находившейся в двух верстах от нового села. На старом месте около горы Зезо осталось языческое кладбище.

Двухклассное училище, куда после семинарии попал на службу Зеленов, было очень популярным в земстве и славилось педагогическими и просветительскими традициями (углубленной программой обучения, богатой библиотекой, проведением публичных чтений и т. п.).

Здесь Иван Константинович познакомился со своей будущей женой и верным соратником, учительницей начальных классов Александрой Николаевной Вострецовой (она родилась в 1865 г. в с. Ижевский Завод).

В первые годы семейной жизни они потеряли двоих детей, умерших от эпидемических заболеваний. Третий ребенок родился в один из труднейших для них периодов — в декабре 1903 г., когда после ряда крупных служебных неприятностей (общение с политически неблагонадежными лицами, неуважение к церкви, неявку по письменным вызовам инспектора народных училищ Сарапульского у.) Иван Константинович был уволен с учительской должности.

Именно отставка послужила толчком к смене сферы деятельности, и Иван Константинович переключил все свое внимание на этнографические изыскания, которыми он давно мечтал заняться.

Зеленову как сотруднику Мастерской учебных пособий Вятского губернского земства было предписано ознакомиться с организацией народного образования, деятельностью мастерских, изготавливающих учебные пособия, а также с их коллекциями, что давало возможность беспрепятственно посещать различные города Российской империи. Но работа для Мастерской им практически не велась (бульшая часть ее легла на плечи Александры Николаевны), так как уже в феврале 1904 г. Иван Константинович отправился в Санкт-Петербург на переговоры с администрацией ЭО РМ о сборе предметов, отражающих традиционный быт и культуру удмуртов.

В начале июня хранитель ЭО РМ Н. М. Могиланский доставил Зеленову открытый лист и аванс на приобретение коллекций, а 24 июня Иван Константинович уже выслал в музей первые 156 предметов (одежда и обувь), приобретенных в Шарканской, Бурановской и Якшурбодьинской вол. Сарапульского у. Этот сбор, зарегистрированный в музее как коллекция № 593, положил начало многолетнему плодотворному сотрудничеству исследователя-краеведа с Этнографическим отделом Русского музея. В сентябре им была выслана в музей следующая коллекция (№ 594), включавшая орудия основных и подсобных занятий удмуртов — земледелия, скотоводства, охоты, пчеловодства, обработки дерева, ткачества, плетения лаптей, а также домашнюю утварь и ритуальные предметы дохристианского культа. Последние представляли особенный интерес для исследователей-этнографов, так как изучение действительной картины тайных молений в этот период становилось особенно актуальным: слишком живо воспринималось все связанное с напумевшим делом мултанских удмуртов 1894–1896 гг., обвинявшихся в ритуальных человеческих жертвоприношениях.

Сфера интересов Ивана Константиновича в области этнографии постоянно расширялась: он собирал коллекции уже не только у удмуртов, но и у других народностей Прикамья, проводя одновременно с этим многочисленные фотосъемки. Негативы и фотографии пополнили фотофонд ЭО РМ и неоднократно использовались в различных печатных изданиях. Эти снимки хорошо сохранились, и в настоящее время они востребованы исследователями и музейными сотрудниками в качестве этнографического материала при подготовке публикаций, выставок и постоянных экспозиций. Необходимо отметить, что на фотосъемку отводилась весьма значительная по тем временам сумма: например, в 1905 г. она превысила 300 руб.⁴

Сбор вещевых коллекций и проведение фотосъемок были бы невозможны без помощи многочисленных друзей Ивана Константиновича среди коренного населения и местной интеллигенции, его жены, а также их учеников.

Удмуртские предметы женского обихода приобретались у их владелиц, при этом мужчина-хозяин дома, как правило, этому не препятствовал. Выплаченные деньги являлись собственностью женской половины семьи. И. К. Зеленев отмечал характерную для вотяков черту — честность при заключении торговых сделок и описывал такой случай. Вотяк-хозяин дома пытался догнать уходящего Зеленова и вернуть «лишние» деньги: ему показалось, что покупатель дал больше, чем стоила вещь, и только после заверений Ивана Константиновича, что все в порядке, он успокоился. Другие предметы приобретались у мужчин. Если не удавалось купить те или иные вещи, представлявшие собой этнографическую ценность, то у местных мастеров заказывались их аналоги.

Фотографирование языческих молений и приготовления «кумышки» — удмуртской водки происходило тайно, с риском для жизни, при содействии дружественных Ивану Константиновичу людей из местного населения, доверявших ему. Благодаря этим съемкам РМ располагает одной из крупнейших коллекций фотоснимков, посвященных духовной жизни удмуртов конца XIX в., их верованиям, обрядам и праздникам.

Зимой 1904–1905 гг. Иван Константинович состоял вольнослушателем Высших педагогических курсов в Санкт-Петербурге, а также поступил на курсы Берлица для изучения немецкого языка. В это же время он составил для музея отчеты и описание привезенных коллекций. Зеленев также получал консультации у видных ученых-этнографов, музейных

работников и изучал специальную литературу. Как в первые годы своих занятий этнографией, так и в последующие периоды он очень скрупулезно подходил к работе над новой тематикой и обязательно составлял библиографию вопроса по словарю Брокгауза и Ефрона.

2 мая 1905 г. И. К. Зеленев был назначен заведующим музеем при Мастерской учебных пособий Вятского губернского земства. Он продолжал ездить по губернии с целью сбора этнографических коллекций, что вызывало недоумение у местных властей. Зеленову зачастую приходилось сталкиваться с полицейским произволом. Так, 2 января 1905 г. Иван Константинович телеграфировал в музей о том, что земским начальником был допрошен его ямщик. Факт допроса мог отпугнуть местное население от общения с Зеленовым. Музей письмом от 24 января 1905 г., адресованным земскому начальнику Милюкову, подтверждал, что учитель Зеленев собирает коллекции для Музея Императора Александра III по поручению августейшего управляющего, и просил оказывать ученому всяческое содействие. Позднее вятский губернатор написал в адрес Русского музея о нежелательности работы Зеленова в крае, ссылаясь на политические настроения Ивана Константиновича и его отношения со старыми народолюбцами (Н. А. Чарушиным, М. П. и М. О. Шебалиными, В. Н. Фигнер, А. А. Ергиним и др.). 5 июля 1905 г. музей отправил Ивану Константиновичу телеграмму о временном прекращении работ. Тем не менее Н. М. Могилянский пригласил Зеленова в Санкт-Петербург (письмо от 28 ноября 1905 г.). Тогда же Иван Константинович послал музею фотографии, сделанные у марийцев Казанской (Чебоксарский и Царевококшайский у.) и Вятской (Сарапульский, Уржумский и Яранский у.) губерний; чуть позже он выслал и предметы, приобретенные у марийцев, удмуртов и, отчасти, русских (Вятская губ. — Слободской, Орловский, Вятский, Глазовский, Елабужский, Малмыжский, Сарапульский, Яранский и Уржумский у.; Казанская губ. — Царевококшайский, Козьмодемьянский, Чебоксарский и Мамадышский у.). В музее эти экспонаты (625 предметов) были зарегистрированы как несколько различных по тематике коллекций, организованных по этническому принципу:

- кол. № 675 (удмурты) — образцы ткачества и одежда (167 предметов);
- кол. № 679 (марийцы) — комплект женской одежды (головные уборы, рубаха, кафтан, передник), музыкальный инструмент (7 предметов);
- кол. № 680 (русские, Симбирская губ., Алатырский у., с. Порещкое) — женская одежда и головные уборы (6 предметов);
- кол. № 1069 (марийцы луговые и горные) — инструменты прядения и ткачества; образцы ручного ткачества и вышивки; мужская одежда (кафтан), комплекс девичьего праздничного костюма (рубаха, штаны, передник, поясные украшения, обувь), 2 женских костюмных комплексов, образцы плечевой одежды (кафтаны из холста и сукна), пояса, поясные полотенца и подвески из ткани, костюм девочки (рубаха, передник, кафтан, пояс); украшения (головные, шейно-нагрудные, поясные); головные уборы (каркасные, головные полотенца и начельники, сороки и их части, покрывала, платки, косынки, мужские войлочные головные уборы); культовые предметы (647 предметов);
- кол. № 1154 (русские) — 44 колодки — доски для набивания узора на тканях различного растительного или геометрического орнамента, а также прилагающиеся к ним 44 образца набивного холста с аналогичным рисунком; женская одежда и головные уборы, полотенца, скатерть, игрушки, деревянная посуда и утварь;

— кол. № 1155 (марийцы луговые и горные) — орудия земледелия, скотоводства, рыболовства, охоты и пчеловодства, обработки дерева; предметы убранства жилища; мебель; домашняя утварь; курительные принадлежности; музыкальные инструменты; предметы, относящиеся к теме «Народные знания», в частности, вышедший из употребления к моменту сбора деревянный безмен, на рычаге которого точками и чертами обозначены доли фунта и фунты (всего 157 предметов).

Достоверно известны также названия населенных пунктов сбора материалов по этнографии марийцев (кол. №№ 1069, 1155): Казанская губ. — Чебоксарский у. (дд. Кокшамары, Липша), Царевококшайский у. (дд. Руш Роды, Вележ, Большие Ноли, Арино), Козьмодемьянский у. (с. Еласы); Вятская губ. — Уржумский у. (дд. Мари-Сола, Мари-Турек, Оды-Сола, Ешорломаш, Шоы, Амбликово), Яранский у. (дд. Керды, Люперсольская), Сарапульский у. (д. Нырғында).

В марте 1906 г. Иван Константинович предложил музею еще одну группу экспонатов, собранных им у коми-пермяков, удмуртов, бесермян, марийцев из Вятской, Казанской, Нижегородской, Пермской, Уфимской, Вологодской губ., а также манси Тобольской губ.: одежду, обувь, украшения, образцы вышивки, утварь, ритуальные предметы, орудия охоты, музыкальные инструменты (например, «быз» — бесермянскую вольнику), предметы ухода за ребенком (удмуртскую «ходулю» (кол. № 1133–53аб) для обучения детей ходьбе). Наряду с вещественными памятниками Зеленовым были предложены и фотографии: антропологические типы населения (дети, подростки-школьники и взрослые); средства передвижения; пейзажи; жилища и надворные постройки (в нескольких ракурсах); одежда (праздничные и будничные костюмы представителей различных половозрастных групп, разнообразные головные уборы и нагрудные украшения); кумышковадение; места языческих молений; священные роши — керемети.⁵

В июле в музей были отосланы материалы, собранные в Козьмодемьянском и Чебоксарском у. Казанской губ. и Уржумском у. Вятской губ.; в августе — в Вятском, Сарапульском и Орловском у. Вятской губ. и Чебоксарском у. Казанской губ. Кроме того, Зеленовым были приобретены этнографические предметы татар-старокрещен дд. Мунайка и Гришино Елабужского у. Вятской губ. (кол. № 1172: посуда и утварь из металла; женская одежда — рубахи, верхняя и плечевая одежда; женские и девичьи головные уборы; украшения — ушные, нагрудные и для рук — всего 40 предметов) и татар-мусульман Сарапульского и Елабужского у., так называемых вятских татар (кол. № 1174: украшения для волос, рук, шейно-нагрудные; женская одежда — рубахи и головной убор — колпак; декоративные детали интерьера — полотенца; всего 15 предметов). Эти материалы представляют особый интерес при сопоставлении с коллекцией, характеризующей кряшен (№ 182, 18 предметов), привезенной в музей в 1902 г. из д. Темермли Лашиевского у. Казанской губ. другим исследователем Поволжья — профессором И. Н. Смирновым.

В октябре–ноябре того же года Иван Константинович отправился в Санкт-Петербург для описания своих коллекций. Необходимо отметить, что такой огромный объем этнографических материалов невозможно было бы собрать, подготовить и обработать в одиночку, без помощи друзей и соратников. Неоценимую помощь в экспедициях Зеленому оказывали: А. З. Ларионов — учитель Титовского земского училища (д. Титово Шарканской вол. Сарапульского у. Вятской губ.), имевший обширные знакомства среди вотяков

и хорошо знавший их обычай; Ф. М. Хорьков — учащийся Ижевской оружейной школы; Р. В. Васильев — учитель из с. Русские Шои Уржумского у.; П. М. Ерусланов; П. П. Титов — крестьянин из д. Титово; С. И. Ходырев — лесной объездчик из с. Якшур-Бодья Сарапульского у.; С. К. Крекнин — священник из с. Повина Глазовского у.; В. Н. Ивойлов — петербургский студент; И. Д. Никитин — священник из с. Устье Ядринского у. Казанской губ. и многие другие.

Во время поездок Иван Константинович находился под надзором полиции, а в декабре 1906 г. по требованию губернатора был выслан из Вятской губ. Поводом послужило заявление Зеленова о желании принять на себя редакторство газеты «Вятский край». Мотив высылки формулировался так: «свиду его крайне вредной противоправительственной деятельности». 24 декабря у Ивана Константиновича в Вятке был произведен обыск и изъята нелегальная литература, часть которой он получил от А. М. Горького. Зеленову пришлось переехать в Петербург, а его семье — в с. Якшур-Бодья, где Александре Николаевне, также уволенной с работы, предоставили учительскую должность.

В 1907 г. музеем были приобретены чувашские коллекции: № 1239 (186 предметов по этнографии верховых чувашей — вирьял и анатенчи), привезенная Зеленовым из Чебоксарского, Козьмодемьянского, Цивильского и Ядринского у. Казанской губ.: мужская (рубашки, штаны) и женская (рубашки, передники, пояса) одежда, украшения (для волос, ушные, шейные, нагрудные, поясные), головные уборы (головные покрывала, колпаки и др.), обувь, намогильные памятники и изображения домашних духов, свадебные принадлежности (например, № 1239-91 — накидка свахи и № 1239-157 — кафтан дружки); и № 1245 из Чебоксарского, Цивильского и Ядринского у. Казанской губ.: образцы вышивки, поясные украшения, полотняные головные уборы. Особый интерес представляют предметы, отражающие тему «Народные знания», в частности большое собрание пастушеских счетных палок и бирок с метками (кол. № 1239), дающее возможность исследователю восстановить бытовавшие метрологические символы и при сопоставлении с массивом аналогичных памятников из коллекций по другим народам региона расшифровать непосредственную знаковую информацию. В музей также поступили уникальные экспонаты, дающие представления о народных верованиях чувашей конца XIX — начала XX в., а также сопутствующие фотографии с описаниями. Вот только некоторые из них:

«перихи» (№ 1239-175/4) — белые лоскутки холста, надетые на нитки и связанные между собой. Сняты с яблони около д. Крепен-Кассы Цивильского у. Под яблоней происходили языческие моления вплоть до времени сбора коллекции. Подобные лоскутки, по объяснению местного населения, вешались после молений беременными женщинами перед родами или бабкой во время родов;

«оргамахи» (№ 1239-179/10) — мелкие пряники из теста, изображающие животных, и «нохратки» — жестяные мелкие кружочки, завернутые в тряпки и перевязанные мочалом; взяты близ д. Анги-Кассы Ядринского у. на берегу озера. Это обычная жертва для языческих молений того времени;

«ватакай-иерих» (№ 1239-180) — лубяной короб, к верхней части которого привязана веревка. К веревке с одной стороны привешены нохратки (5 оловянных кружков), а с другой — завязанные в холщовую тряпку катышки из теста («симзем»), имеющие форму миниатюрных чашечек с зазубринами по краям. Короб подвешивали на веревке к передней стенке амбара

(противоположной от стены) или во дворе под навесом; он предназначался исключительно для домашних молений. Число нохраток соответствовало числу лиц, создавших свою семью и отделившихся от дома. Слово «ватакай» означает «старшая сестра», а «иерих» произошло от обозначения статуса старой девы (это объяснение Зеленов записал со слов стариков д. Шахгирино Чебоксарского у., откуда привезен данный памятник).

В Санкт-Петербурге Иван Константинович не только продолжал тесное сотрудничество с ЭО РМ, но и, имея накопленный за эти годы опыт подобной работы, установил контакты с еще одним крупнейшим этнографическим музеем страны. В 1908 г. в МАЭ началась подготовка экспедиции в Тобольскую губ. и Верхотурский у. Пермской губ. для изучения культуры манси (именовавшихся в то время вогулами), которую должен был возглавить И. К. Зеленов. Эта новая для него тематика потребовала серьезной подготовительной работы.

На неисследованность быта вогулов четвертью века раньше обращал внимание Д. Н. Мамин-Сибиряк. Он писал в очерке «Бойцы», опубликованном впервые в журнале «Современник» в 1883 г.: «Около Ослянки (пристань на р. Чусовой. — *И. Ф.*) каким-то чудом сохранились две вогульские деревни — Бабенки и Кончик. Обитатели этих чусовых деревушек для этнографа представляют глубокий интерес как последние представители вымирающего племени. Когда-то вогулы были настолько сильны, что могли воевать даже с царскими воеводами и Ермаком, а теперь это жалкое племя рассеяно по Уралу отдельными кустами и чахнет по местным делям и труппам в вопиющей нужде. Кстати сказать, о вогулах мы знаем гораздо меньше, чем об обитателях Новой Гвинеи, не говоря уже о Центральной Африке или полярных странах. Если не найдется какой-нибудь любознательный иностранец, наши вогулы вымрут совершенно бесследно, бесследнее какой-нибудь амфибии или ракушки, которая сохраняется для назидания ученых по крайней мере в окаменелом состоянии».⁶

Перед отъездом И. К. Зеленов получил необходимые консультации крупных специалистов-этнографов и музейщиков (Д. А. Клеменца, Л. Я. Штернберга, Б. Ф. Адлера, В. И. Анучина, М. Н. Могилянского, У. Т. Сирелиуса, К. В. Щенникова, Д. Т. Яновича), изучил соответствующую литературу, закупил оборудование и продовольствие. Для обследования именно «диких» кочевых манси в ходе экспедиции им был изменен маршрут: пришлось двигаться по верховьям рр. Лозьвы, Вижая, Тотемки (Северный Урал). Ехали на нартах, запряженных оленями; в поездке их сопровождал проводник-вогул, хозяин оленей. Неожиданно возникли затруднения с наймом рабочих: «Рабочие руки оказались здесь очень дорогими: дело все в том, что все здесь золотоискатели, и для них 1-2 рубля суточного заработка — деньги небольшие», — пишет Зеленов в письме Л. Я. Штернбергу 18 июля 1908 г.⁷

Описание собранных коллекций (№ 1342 — 51 предмет и № 1345 — 60 негативов), их регистрация и сдача отчетов в музей были закончены в конце 1908 — начале 1909 г. Итоги экспедиции подведены в отчете МАЭ за 1908 г.: «Примыкающие к самоедам вогулы, которые были весьма слабо представлены в музее и собрание которых совершенно не пополнялось, в этом году обогатилось весьма хорошим законченным собранием, добытым командированным музеем И. К. Зеленовым. Собрание это кроме нескольких предметов культа и хорошего подбора снимков молений, сцен быта и типов включает значительное (48) собрание символических орнаментов на бересте, особенно ценных в том отношении, что собирателю удалось выяснить название и значение каждого из этих рисунков, представляющих стилизованные изображения реальных объектов и явлений природы».⁸

Часть снимков, выполненных в ходе экспедиции (вогулы Верхотурского у. Пермской губ.), поступила и в ЭО РМ (фотокол. №№ 1918 и 2634).

После успешной поездки к манси И. К. Зеленев продолжал сотрудничать с МАЭ. В 1909 г. его командировали в Уфимскую (к башкирам), Казанскую (к татарам-кряшенам) губ., а также к марийцам и чувашам — в Пермскую и Вятскую губ.⁹

В ходе Тобольской экспедиции Иван Константинович часто посещал библиотеку Пермского научно-промышленного музея и познакомился с его сотрудниками. Этот музей был организован в 1890 г. и поддерживал постоянные корреспондентские связи с петербургскими этнографическими учреждениями.

В 1910 г. Зеленев переехал в Пермь и 10 марта был принят в штат этого музея хранителем, продолжая в то же время запечатлевать на фотоснимках для ЭО РМ и МАЭ быт пермяков Верхне-Язвинской вол. Чердынского у. Пермской губ, чувашей Чебоксарского у. Казанской губ., татар-старокрещен Елабужского у. Вятской губ. и башкир Уфимской губ. Таким образом, в 1910 г. в МАЭ было зарегистрировано 4 фотоколлекции И. К. Зеленова по этнографии башкир, старо-крещеных татар, марийцев, удмуртов, бесермян и манси. Часть фотографий, приобретенных академическим музеем, была помещена в «Иллюстрированном путеводителе по реке Каме и рекам Вишере с Кольвой» (Пермь, 1911).

В ЭО РМ фотоколлекции зарегистрированы под следующими номерами:

фотокол. № 1943 — вотяки Вятской губ. (антропологические типы) — 22 номера, 44 предмета;

фотокол. № 2631 — вотяки Вятской губ. (верования: фотографии «куалы», общественных молений, жертвенных рубах, одно фото жреца) — 16 номеров, 16 предметов;

фотокол. № 2633 — вотяки Вотской губ. (пейзажи, жилище, типы населения, средства передвижения; бытовые занятия крестьян; одежда, головные уборы и украшения; музыкальный инструмент) — 78 номеров, 120 предметов;

фотокол. № 3513 — чувашаи Цивильского и Чебоксарского у. Казанской губ. (пейзажи, жилище, надворные постройки; сельскохозяйственные работы; варка пива; средства передвижения; культовые памятники (священные языческие рожи — керемети); типы населения; будничные и праздничные костюмы; музыкальные инструменты). Привлекают внимание снимки № 79/1–8, фиксирующие старинный костюм свахи, а также фотография старухи-ворожицы (снимок № 83, сделанный в момент гадания) — 114 номеров, 178 предметов;

фотокол. № 3514 — черемисы и вотяки Чебоксарского у. Казанской губ. (деревянная утварь; домашние занятия; костюм) — 7 номеров, 10 предметов;

фотокол. № 3515 — пермяки Глазовского у. Вятской губ. (6 фотографий типов населения, групповые и одиночные портреты. Наибольший интерес представляет снимок приспособления для ношения детей — «ныпъета»);

фотокол. № 3545 — татары Казанской губ. (1 фотография женщины-мусульманки в национальном костюме).

Эти фотоколлекции — последние поступившие в ЭО РМ от И. К. Зеленова. Их регистрация проходила постепенно, поэтому некоторые коллекции датированы более поздними годами. Например, 247 чувашских этнографических предметов (кол. № 5504) из Казанской губ. (образцы вышивки; убранство жилища; женская одежда — кафтаны, передники; украшения — для волос, нагрудные, поясные; головные уборы) зарегистрированы

в 1911 г. Этим же годом датирована и коллекция № 5497 (90 предметов), поступившая из районов проживания луговых марийцев Вятской губ.; она включала мужскую одежду — рубахи, штаны; женскую одежду — рубахи, передники, пояса, поясные полотенца и подвески из ткани; образцы вышивки; части детской одежды; украшения — головные, шейно-нагрудные, поясные; головные уборы — сороки и их части, каркасные, начельники, головные полотенца, покрывала, платки, косынки, меховые шапки. Кроме того, в фототеке РЭМ имеется коллекция фотоснимков 1907–1909 гг. (фотокол. № 2633), посвященных удмуртам Вятской губ. и изображающих пейзажи, жилище, скот, утварь, одежду и типы населения.

В этот же период Иван Константинович приступил к археологическим расколкам в Елабужском у. в соответствии с открытым листом Пермского музея, о чем сообщалось в местной газете: «Хранителем Пермского музея И. К. Зеленовым доставлены предметы погребения бронзового века из местности Пьяный Бор на реке Каме Елабужского у. Вятской губернии».¹⁰

За годы деятельности в Пермском музее Иван Константинович проделал огромную работу по регистрации, описанию и каталогизации коллекций и библиотеки музея, а также провел исследования и сбор материалов для уже упоминавшегося путеводителя по Каме. Совместно с библиотекарем музея И. Я. Кривошековым Зеленов написал две статьи, вошедшие в этот путеводитель, в одной из которых дан этнографический обзор народонаселения Прикамья (других этнографических публикаций у И. К. Зеленова не было).¹¹ Считая себя этнографом-собирателем, он не занимался теоретическими обобщениями, ограничиваясь в своих отчетах тщательным описанием отдельных предметов, связанных с ними обычаями, способов употребления, фиксировал историю их изготовления, место и время бытования и т. д.

После переезда в Нижний Новгород Зеленов поступил в 1914 г. на Нижегородское отделение Московского археологического института, где помимо общиисторических и археологических дисциплин преподавалась и этнография. В послереволюционные годы в Нижегородском университете на биологическом факультете некоторое время существовала кафедра антропологии и этнографии. В 1919 г. Иван Константинович был избран преподавателем-ассистентом кафедры и принимал участие в организации музея этнографии при университете.

В это время он продолжал изучение верований, быта и народного искусства удмуртов, бесермян, марийцев, чувашей и манси. Во вновь созданный музей Зеленов передал некоторые предметы языческих культов и игрушки, собранные еще в период его учительской деятельности. Иван Константинович большое внимание уделял этнографии детства (игрушки, предметы для ухода за детьми, детская одежда и т. д.) и, работая земским учителем, мечтал осуществить свой проект комплексного изучения игр и игрушек. Однако этому не суждено было сбыться, так как местный инспектор запретил ему посещать удмуртские школы.

Кафедра этнографии Нижегородского университета была тесно связана с Гельсингфорским университетом, в частности, с известным этнографом У. Т. Сирелиусом, который приобрел у Зеленова в 1919 г. ряд экспонатов. Знакомство Ивана Константиновича с Сирелиусом относится к 1900-м гг., когда они вместе занимались сбором коллекций для МАЭ в Прикамье. У. Т. Сирелиус в то время ездил в этнографические экспедиции на средства этого учреждения. Кафедра этнографии Нижегородского университета закрылась, очевидно, одновременно с переводом биологического факультета в Нижегородский педагогический

институт в начале 1920-х гг. В 1930-е гг. Иван Константинович сотрудничал с Книжной палатой Чувашской АССР и составлял по ее заказу библиографию по истории и этнографии чувашского народа.

Собирательская деятельность И. К. Зеленова явилась основой формирования музейного фонда, посвященного этнографии удмуртов и бесермян (из 11 удмуртских коллекций, поступивших в дореволюционный период, четыре (522 предмета) привезены Зеленовым; из двух бесермянских дореволюционных коллекций одна (113 предметов) также собрана им). Кроме того, исследователь внес существенный вклад и в формирование фонда ЭО РМ по другим народам: марийцам (луговые и горные — 4 коллекции, 899 предметов), татарам (кряшены и вятские — 2 коллекции, 54 предмета), чувашам (3 коллекции, 581 предмет). В составе этих коллекций были как вещественные памятники, так и фотоматериалы; всего в фототеке РЭМ насчитывается 17 созданных им фотоколлекций.

Деятельность И. К. Зеленова оборвалась трагически: в ночь с 22 на 23 июня 1941 г. он был арестован. 7 апреля 1942 г. в лагере Буреполом в Горьковской обл. он скончался; реабилитирован в 1989 г.¹²

Примечания

¹ Зеленов-Шарканский Б. И., Зеленова-Чешихина Н. В. Биографический очерк к 100-летию со дня рождения // Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 280а; Зеленова-Чешихина Н. В. Иван Константинович Зеленов — исследователь культуры и быта народностей Прикамья и Приуралья // СЭ. 1990. № 5.

² Голубев П. А. Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901.

³ Материалы по статистике Вятской губернии. Вятка, 1892. Т. IV: Сарапульский уезд.

⁴ Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 280.

⁵ Фототека РЭМ, кол. № 805; 1132; 2632.

⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. Избранные сочинения. М.: Л., 1949. С. 574.

⁷ Архив РАН, ф. 142, оп. 1, (до 1918 г.), № 58, л. 312.

⁸ Отчет о деятельности МАЭ им. Петра Великого за 1908 г. СПб., 1909. С. 5–6.

⁹ То же, 1910. С. 2, 12, 22.

¹⁰ Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 280а, Вятская речь. 1910. № 152 18.07. С. 3.

¹¹ Зеленов И. К. 1) Описание примечательных пунктов на реке Каме; 2) Народонаселение Прикамья // Иллюстрированный путеводитель по реке Каме и рекам Вишере с Кольвой. Пермь, 1911. Разд. II. С. 3–24; разд. III. С. 3–115 (Вятская, Казанская и Уфимская губ. описаны Зеленовым, а Пермская — И. Я. Кривошековым).

¹² Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 280.